

УДК 172.4

Е. А. Лебедь

Сумской государственной университет

СТРАННАЯ РИЗОМАТИЧЕСКАЯ ВОЙНА: МЕТАФОРА И ЯЗЫК

Через использование метафоры ризомы предложен новый взгляд на феномен современной войны. Сделана попытка выхода из негативной семиотической ситуации в осмыслении войны в новую парадигматику политической истории.

Ключевые слова: война, метафора, ризома, язык, сознание, смерть.

Обязательным психологическим условием абсолютной войны, как ее понимали классики политической истории вслед К. фон Клаузевицу, является самоотождествление индивида с государством, что усиливает его (индивида) пассивность. Тогда возможность войны воспринимается как неизбежность, неотвратимость или судьба. В этих условиях происходит сначала обезличивание, а потом обесчеловечивание человека с превращением его в «живую силу» или «живой материал» войны. Во-вторых, абсолютная война предполагает тотальность участия в ней населения воюющей страны. В-третьих, абсолютная война – это массовая война, когда к руководителю страны его идеи возвращаются из массовой политической рефлексии.

Восприятие войны как простого и самоотождествленного объекта политической рефлексии сегодня трансформируется в чистую идеологию с ее демагогией, манипулятивными жестами и фальсификацией, утрачивая все признаки абсолютности. О новой войне необходимо говорить на новом языке, используя новую метафорику. А. Пятигорский и О. Алексеев писали о возникновении негативной семиотической ситуации (она же одновременно и эпистемологическая), когда мы, употребляя определенный знак, слово, выражение, не знаем, о чем идет речь, а любой разговор о войне превращается в бессмысленную болтовню [9, 128-129]. Поэтому мы оказываемся перед неизбежностью нового фокуса в нашем понимании феномена современной войны.

Сегодня все более очевидным становится уход иерархичности системы в область предания. Мир – тотальная метаморфоза, в которой различия включены друг в друга, а универсальный код – не что иное, как утверждение лишнего идентичности мира номадических универсалий диспарса как науки кочевников. Метафорика «Заратустры» (Ф. Ницше) соприсутствует в тотальной незавершенности и неограниченности «Поминок по Финнегану» (Дж. Джойс), порождая вращающуюся бесформенность хаосмоса, в котором любые различия погашаются. Пространство ризомы – пространство догадки, движение в котором, как

сказал бы У. Эко, – это нанизывание бусин на нить, когда сутью становится структура догадки как таковой. Распутывание и постоянное высвобождение смысла через, если использовать язык Гераклита, постоянное «взбалтывание кикееона».

Ризома – это лабиринт с возможностями пересечения любых тропинок. В этом лабиринте нет центра, нет периферии (о выходе – ниже), нет Минотавра. До недавнего времени считалось, что в анемичных и аутичных условиях отсутствия готовности к решению сверхзадачи или к трагической героике, в условиях господства скуки как проясняющего существо человека современного мира экзистенциала, необходимость в Минотавре отпадает.

Так виделось до недавнего времени. Оказалось, Минотавр жив. В Минотавра фатально превращается сам Тесей-человек, и никакая нить Ариадны не сможет помочь ему в поисках себя. Нить, как жестко проговорился когда-то Ницше, нужна лишь для того, чтобы на ней повеситься и тем самым окончательно и бесповоротно обрести статус вещи, чем и был человек в наиболее архаичной версии мифа о Лабиринте.

Навязчиво воспроизводящая себя традиционная космографическая структура сворачивается и вынуждает воспринимать себя бесконечно формирующейся моделью. Эта модель предлагает не один единственный выход (как в мифе о Лабиринте в ее афинской версии), не отсутствие выхода (как в том же мифе, но в более древнем, критском его варианте), а множество возможных выходов (как в постмифичном пространстве постсовременности или в квантовой теории, где ψ -функция – не что иное, как список возможностей). Ризоматическая модель декларирует успокоительную конечность, но, вместе с тем, и обещание энергичной безграничности в пространстве многомерных линейных множеств постбытия.

Креативно подвижная ризома «ни стабильна, ни нестабильна, а скорее метастабильна» (Ж. Делез, Ф. Гваттари); почти по «ризоматику» Гераклиту: Логос не желает и желает называться Зевсом – Логос метастабилен. Так в аванс всему постмодерну мыслил Гераклит, используя «несовершенный» ионийский диалект греческого языка. Плутарх, дополняя Гераклита, говорил о живой и зрячей природе, обладающей знанием своего и чужого, воспринявшей в себя истечение красоты и долю Логоса, которым управляется Космос. Змеевидно-подвижная фигуративность мысли Гераклита о Логосе неожиданно скликается с позицией Лао-цзы: о поистине постоянном невозможно говорить и давать ему имя; Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное Дао. Бытие и небытие, стало быть, вместе проявляются из сокровенного, и различаются лишь именами.

Если стержневой корень метафорически репрезентирует оседлую культуру, то ризома – кочевую. Корень центрирован и гео-гелио-тропичен – он стремится в глубину и ввысь. Ризома децентрирована и, словно грибной

мицелий, прорастает в любом месте, распространяясь вширь. «Крысы – это ризомы. Они кишат, наползая друг на друга» [5, 12]. Ризоматическая война не может быть названа войной абсолютной, поскольку абсолютная война предполагает государство единственным субъектом войны и единственно мыслимым реальным субъектом мышления о войне.

В любом этимологическом словаре мы обнаружим совокупность неких семантических точек, маркированных бинарными отношениями и устойчивыми двусторонними связями между позициями. Пространство словарной этимологии жестко стратифицировано, расчленено и линейно. Война – вооруженная борьба между государствами или общественными классами – утверждает, например, «Толковый словарь современного русского языка» академика Д. Н. Ушакова (последнее издание 2013 г.) [10, 69]. Несмотря на вынужденные косметические поправки, этот знаменитый словарь как система идеологических предписаний и зависимостей, подлежащих внедрению в языковое сознание, является уникальным памятником тоталитарного языка советской эпохи. Адресат «Толкового словаря» – личность, в своем стремлении к идеологическому совершенству наделенная чувством классового самосознания. Материалы Словаря обнаруживают прямое давление идеологии на лексическую семантику, демонстрируют экспансию значений мировоззренческого типа [8, 7]. Специалисты по манипуляции всех мастей поняли уже давно, что язык служит изоощренным инструментом для искажения информации в целях контроля над сознанием и поведением людей: язык – гнездилище идеологии, он стремится захватить власть. Более того, язык как дискурсивная система есть перформанс, «своего рода мимодрама, которую субъект может наполнить своей энергией истерического наслаждения» [1, 538].

Одной из главных оппозиций, по материалам толкований, является оппозиция *революционный – контрреволюционный*. Частные варианты этой оппозиции развиваются на базе позднейших антиномий: *красный – белый, вражеский, враждебный; левый – правый; советский – антисоветский, буржуазный, западный; коммунистический – антикоммунистический* [8, 10]. В современном российском политическом дискурсе прежняя советская – классово-государственная риторика модифицируется в риторику геополитическую с легким конспирологическим налетом: вместо *советский – антисоветский* – отчетливо слышны антиномии *российский – западный, английский, американский; евразийский – атлантический* (послушайте, например, А. Дугина).

Так вот. По корню и значению слово «война» праславянское, образованное от существительного *вой* – воин (ср. др.-инд. *veti* «преследует, гонит»; лат. *venari* «охотиться, гнаться»; др.-верхне-нем. *weida* «охота»). Следовательно, война – первоначальное «состояние погони за неприятелем», «преследование», «состояние прямой вражды между племенами» [12, 66].

Общеизвестно, что война – одно из основных занятий древних индоевропейцев. Большую устойчивость обнаруживают слова, обозначающие общие понятия, связанные с ведением войны типа «убивать», «ранить», «захватить в плен» и др. [4, 740]. В современных реалиях эти понятия видоизменяются вплоть до исчезновения. «Коренящаяся в незапамятном прошлом дуэль оружия и доспехов, атаки и обороны теряет свою актуальность» [3, 123]. Война ведется без массовых убийств, ранений и даже без тотального захвата в плен, который заменяется принятием присяги государству-победителю, т. е. изменой, предоставлением гражданства, регистрацией с последующей депортацией, но без оружия и снаряжения, аттестацией офицеров для дальнейшего прохождения службы на территории государства-победителя.

Героический опыт на этой странной войне остается, по сути, опытом аскезы, но этот опыт реализуется, скорее, через некие психологические константы, нежели через возможности, предоставлявшиеся «войной моторов» XX в. Новый героико-психологический опыт, как и в войне классического типа, дает человеку шанс превзойти себя прежнего и вновь обрести себя на качественно ином уровне бытия. Духовную технику экпирозы (очищение огнем), которая приписывается обычно стоикам, находим уже у Гераклита: герой, спящий внутри, пробуждается, взрывает рутину комфортабельной жизни и, таким образом, преображает сакральное восприятие, как жизни, так и смерти, ибо жизнь и смерть суть одно.

«Герои пера и кинокамеры» – сторожевые псы правительств и кланов, становятся авангардом войны, занимают высшие ступени в иерархии героического опыта. При этом они осознают свою причастность к высшей ступени (или касте, как сказал бы Ю. Эвола) носителей чистого духовного авторитета, высшей сакральной истины. Антиномии *Бог – дьявол; Истина – ложь; Добро – зло; Дух – материя; Жизнь – смерть; справедливость – несправедливость; бескорыстие – жадность* и т. п. – суть некие духовные пути или духовные топосы, соотносимые с теми порядками, которые манифестируются определенными личностными или групповыми фигурами власти «по ту и по эту стороны». Или при другом раскладе: *культура – варварство; национальная идентичность и самобытность – глобализация; духовные коды нации – бездуховные коды космополитического сообщества; сыны света – сыны тьмы и погибели; патриоты – неолибералы, национал-предатели (Nationalverräter, термин А. Гитлера, см. «Mein Kampf»), русофобы* и так in infinitum. Бинарные оппозиции по-прежнему властвуют над сознанием большинства, но мир приобретает свою определенность лишь в пространстве «телетопики коммутаций» (П. Вирильо) – в координатах сетевых коннекций телекоммуникационных средств, когда общество со всеми своими социально-экономическими и невротическими структурами, где все понимают друг друга с полуслова, но без коммуникации, превращает

различие в конфликт. Как сказал бы Р. Барт, в условиях расчленения символического поля, деления дискурсов и невротического расщепления психики, язык преобразуется в поле брани. Война происходит между липким и всепроникающим, но трудноуловимым, языком Власти (энкратическим языком) и парадоксальным, основанным на мысли, а не на доксе, языком, который вырабатывается вне Власти и/или против нее (акратическим языком) [1, 536-537]. Энкратический язык дезавуирует ценность факта, ценность наличной картины, ценность истины, наконец. Информация стратегически сокрывается при помощи дезинформации. При этом откровенная брутальность такого сокрытия никого из энкратиков не смущает: мы объективны, мы правдивы, мы справедливы, «наше дело правое, мы победим», – без тени смущения твердят они. Ну что ж, «наглость надобно гасить попроворней, чем пожар», – говорил когда-то Гераклит.

Используя логику двойной артикуляции, предложу альтернативу на выбор. Странная ризоматическая война 2014 г. это: а) эпизод вечной геополитической битвы между дьяволом и «Богом Русской земли», между Западом и Россией, между «совершенным симулякром» (так Ж. Бодрийяр назвал США) и «нашей» подлинностью и правдой, или б) затхлость, герметичность и агрессивность (политики, экономики, культуры...), патриотическое бахвальство, «воспаленное мечтание охватить весь мир» (В. Розанов о великороссах), туманные думы об исторической своей миссии против свободного чувства, «поэтического провинциализма и свободолюбия» (снова В. Розанов, но о малороссах), порыва, одухотворенного надеждой и радостным утверждением свободы... Вероятно, можно понять и принять первое, но меня сейчас – ситуативно, метафизически и экзистенциально – занимает второе.

На рубеже тысячелетий С. Жижек заговорил об имматериализации и десубстанциализации будущих войн в XXI веке. Взрыв башен-близнецов Всемирного торгового центра в сентябре 2001 г. был последним надрывным воплем войны прошедшего столетия. Говоря о войнах XXI в., Жижек имел в виду не только яды, вирусы и бактерии, которые везде и нигде. Война лишается своей субстанции, как в случае с употреблением безалкогольного пива или кофе без кофеина. Война виртуализируется: она ведется за мониторами компьютеров, а участники воспринимают ее как видеоигру. Имматериализация и десубстанциализация войны создает идеальные условия для эскалации теорий заговора и роста общественной паранойи. На уровне видимой материальной реальности ничего не происходит, никаких громких взрывов, и все же знакомый мир начинает разрушаться, а жизнь распадается... Мы вступаем в эру паранойяльной войны, в которой главной задачей будет идентификация врага и его оружия [6, 45]. П. Вирильо писал, что реальной средой боевых действий оказывается не осязаемая оптико-акустическая среда, но среда электрооптическая, а

операции будут осуществляться вне оптической досягаемости. Иными словами, средства ведения войны и сама война релятивизируются с обретением пространством и временем относительности, причиной чего является переход свойства абсолютного от материи к предельной скорости света [3, 129]. Своего рода, «новое опровержение времени и пространства».

Имматериализация нынешней войны проявилась на своем первом этапе и в ином формате. Агрессор вел себя так, чтобы его было сложно идентифицировать – молчаливые «зеленые человечки», анонимные «вежливые люди», «силы самообороны» в масках не имели знаков различия и шевронов. Как бескачественные фишки в старинной игре го в сравнении с шахматными фигурами, обладающими внутренними свойствами. Ж. Делез и Ф. Гваттари провели изящный анализ этих восточных игр, чтобы показать соотношение двух взаимоисключающих стратегий ведения войны. Шахматы – это действительно война, но война институализированная, урегулированная, закодированная, с фронтом, тылом и сражениями. Го, пишут Делез и Гваттари, – это война без линии фронта и даже без сражения. Это чистая стратегия в отличие от семиологичности шахмат. Шахматы распределяются в закрытом пространстве и, двигаясь от одной точки к другой, занимают максимум мест минимальным числом фигур. Фишки го распределяются в открытом пространстве, сохраняя возможность появления в любой точке. Движение непрерывно, без цели и направления, без исхода и прибытия. Фишки го стремятся закрепить территорию с помощью примыкающей территории, детерриторизировать противника, разрушая его территорию изнутри. «Иная справедливость, иное движение, иное пространство-время» [5, 590-591].

Актуальным до сих пор остается наблюдение Р. Барта об особом языке, призванном добиваться совпадения нормы и факта для оправдания циничной реальности благородной моралью. Этот язык Барт называет косметическим – прикрывающим факты языковым шумом. Таким образом, языковая лексика и грамматика становятся политически ангажированными. Я бы добавил, что политическая ангажированность вызывает у ее субъектов неопишное наслаждение и восторг. Говорится, например, о нынешней украинской власти с использованием особого аксиоматического языка, с несколькими ключевыми словами, имеющими уничижительные коннотации: «нелегитимная власть», «фашистская власть», «хунта», «клика», «банда». Тем самым возможность диалога с этой властью отвергается априори, поскольку она якобы поставила себя вне закона. Говоря о войне, следует ее отрицать. Для этого подходят два средства. Первое: как можно реже о ней упоминать [2, 207, 209]. Вся риторика российского политикума и СМИ до сих пор виртуозно использовала этот прием. Чего стоят, например факты ареста протестующих «против войны» (!) в Москве и Санкт-Петербурге, а военная оккупация, агрессия и аннексия Крыма называется «возвращением

домой», «торжеством справедливости». Другая хитрая мистификаторская тактика – придавать войне противоположный смысл, когда слово «война» по-оружелловски употребляется в смысле «мир»: «восстановление Большой России», «наведение порядка», «борьба с хаосом, нацистами («не дадим нацистам ступать по братской земле!»), фашистами, экстремистами, нелегитимной властью, ксенофобами, антисемитами», «помощь русскоязычному населению», «не оставим в беде» etc.

Девиантный европеизм идеологемы псковского игумена Филофея «Москва – третий Рим», в которой Москва-Русь – ковчег, спасающий весь христианский мир, трансформируется в тщеславный миф о националистическом посягательстве на завоевание мира, на «собираание земель». При великом князе Василии, как заметил В. Кантор, так могли мечтать маргиналы, выступающие не *против*, а, наоборот, желающие *стать* и *быть центром* Европы, не признавая при этом реальной европейской жизни и считая ее клонящейся к упадку [7, 44]. Как видно, весь этот мифологический «дискурс» благополучно дожил до нашего времени. Более того, обрел новую энергетику. Инстинкт собирания земель остался, тщеславные претензии на спасение православного (славянского) мира тоже, Европа по-прежнему клонится к упадку, «ибо, если не было бы этого «упадка», то ни к чему был бы ковчег и спаситель» [7, 44]. Имперский миф единства России и Украины («единая и неделимая Россия») также остается важнейшим сегментом российского политического дискурса.

«И в конце истории – аминь», – как выразился Патриарх Кирилл.

Ризоматичность войны проистекает из ризоматичности российского политического и исторического мышления, по-прежнему сосредоточенного на легитимизации российской государственности вне российских границ и на хроническом воспроизводстве национальных мифов XIX столетия.

Современное положение свидетельствует об исчезновении мощной формообразующей идеи коллективной смерти, а феномен смерти вытесняется из сознания в чистую психологию. Отсутствие смерти в политической рефлексии о войне предполагает присутствие безумия в самом широком диапазоне – «от полной неспособности осознания своей собственной ситуации здесь и сейчас до клинического психоза». Можно согласиться с А. Пятигорским и О. Алексеевым, что проблема войны – это проблема интерсубъективного состояния сознания, а не политики, идеологии или технологии, сознания напрочь забывшего о смерти. Современная война – это семиотическое обозначение сознания, тяготеющего к воспроизведению себя в негативных ситуациях, которые не могут найти рационального разрешения [9, 131] по принципу ризоматического расползания вширь.

Украину делят сегодня все, кому не лень: российские телевизионные витии и политики, экс-разведчики различных спецслужб, доморощенные аналитики из «Русского мира» и прочие спикеры. Имя им легион. Еще в 1996 г. С. Хантингтон на страницах своего бестселлера «Столкновение цивилизаций» обсуждал три возможных варианта развития ситуации в Украине. Первый: конфликт между русскими и украинцами маловероятен из-за общности цивилизации. Более вероятный вариант развития ситуации Хантингтон рисовал по итогам президентских выборов в июле 1994 г. – это раскол Украины по линии разлома (Чернигов – Полтава – Кировоград – Одесса) со входом восточной части в состав России. Наиболее вероятным сценарием он считал следующий: Украина останется единой, останется расколотой, останется независимой, и в целом будет тесно сотрудничать с Россией [11, 257-258]. Как видим, сегодня, несмотря на общность славянской цивилизации, воплощается в жизнь, пожалуй, самый трагический вариант.

Трагизм и разрушительные тенденции странной ризоматической войны (от уничтожения мировой системы безопасности, начавшей складываться еще в 1945 г. на совещании в крымской Ливадии до немыслимой еще недавно экзистенциальной тревоги) остаются такими же, как и прежде, но имеют видимость безопасности. Несмотря на то, что первой жертвой войны как всегда оказалась истина, пейзаж нашей жизни с его формами, вещами и сценами еще весной оставался тем же – привычным и невозмутимым. Но безопасность эта оказалась обманчивой, ложной. Странная ризоматическая война перешла в классическую горячую фазу, а пресловутая «вежливость зеленых человечков», несмотря на декларируемую неготовность вести крупномасштабные военные действия – в неприкрытую агрессию. А далее – возможность глобальной войны, которая, как считал С. Хантингтон, хотя и крайне маловероятна, но не исключена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
3. Вирильо П. Машина времени / П. Вирильо. – СПб.: Наука, 2004. – 140 с.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Ч. 2. – 1328 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
6. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального / С. Жижек. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.

7. Кантор В. К. Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры. Очерки / В. К. Кантор. – М.: Научно-политическая книга, 2013. – 654 с.
8. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург–Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
9. Пятигорский А. М., Алексеев О. Б. Размышляя о политике / А. М. Пятигорский. – М.: Новое издательство, 2008. – 190 с.
10. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2013. – 800 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
12. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: Рад. школа, 1989. – 511 с.

РЕЗЮМЕ

Є. О. Лебідь. Дивна ризоматична війна: метафора та мова.

Через використання метафори ризому запропоновано новий погляд на феномен сучасної війни. Зроблено спробу виходу з негативної семіотичної ситуації в осмисленні війни в нову парадигматику політичної історії.

Ключові слова: війна, метафора, ризома, мова, свідомість, смерть.

SUMMARY

E. Lebid'. A strange rhizomatic war: metaphor and language.

There is offered a new perspective on the phenomenon of modern warfare through the usage of the metaphor of rhizome. An attempt was made to exit out the negative situation in the semiotic understanding of the war into a new paradigmatic political history.

Key words: war, metaphor, rhizome, language, consciousness, death.